

A cinematic movie poster for 'The Matryoshka Project'. The scene is set on a space station with a woman in a white lab coat standing on a balcony, looking out at Earth. Above her is a large, circular, multi-layered structure that resembles a tunnel or a complex orbital mechanism. A bright, golden light emanates from the center of this structure, creating a lens flare effect. The overall color palette is dark with highlights of blue, orange, and white. The text is in a clean, white, sans-serif font.

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

ЗАВЕЩАНИЕ
МАТРЕШКИ

Эдуард Сероусов

Завещание Матрёшки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72990767

SelfPub; 2025

Аннотация

Они искали братьев по разуму. Они нашли труп бога. 2147 год. Гигантская структура у далёкой звезды разрушается, но перед смертью успевает отправить послание. Не просьбу о помощи – завещание. Нейролингвист Лира Чэнь первой понимает страшную правду: сигнал – не файл. Сигнал – инъекция. Сверхразум возрастом 4,7 миллиарда лет не умирает. Он мигрирует. И каждый, кто прикасается к архиву, становится его частью. Её муж Маркус – уже не вполне человек. Он видел вечность. Он счастлив. Чтобы его спасти, Лира должна стать тем, от чего спасает.

Все иллюстрации сгенерированы в программе Ideogram.

Содержание

Пролог: До	4
Часть I. Сигнал	26
Глава 1: Кассандра	26
Глава 2: Наследство	50
Глава 3: Первый шёпот	72
Глава 4: Раскол	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Эдуард Сероусов

Завещание Матрёшки

Пролог: До

Орбитальная станция «Вавилон» За один год до событий

Лук.

Обычный репчатый лук – жёлтый, с сухой шелухой, которая хрустела под пальцами Маркуса. Он привёз его с последнего грузовика, спрятал в личном контейнере между носками и запасным фильтром для скафандра. Контрабанда, если честно. Свежие продукты полагались только медперсоналу и беременным. Маркус не был ни тем, ни другим.

– Ли, – позвал он, не оборачиваясь. – Ты знаешь, что лук – это единственный овощ, который заставляет людей плакать?

– Это не совсем так, – откликнулась она из угла, где боролась с отчётом по семантическим структурам внеземного происхождения. Теоретического, разумеется. Всё ещё теоретического. – Хрен тоже. И острый перец, если попадёт в глаза.

– Хрен – это корень. Перец – это насилие. – Он снял очередную слой шелухи, и тот закружился в слабом потоке вен-

тиляции, как крошечный золотистый парус. – А лук – это драма. Честная, древняя, со слезами.

Лира оторвалась от экрана. Свет рабочей панели отбрасывал синеватые тени на её лицо, и она потёрла глаза – не от лука, просто устала. Четырнадцать часов за дешифровкой паттернов, которые могли быть чем угодно: шумом далёких пульсаров, эхом Большого взрыва, или – её тайная, глупая надежда – чем-то *осмысленным*.

Ничего осмысленного пока не нашлось. За восемь лет – ни одного подтверждённого сигнала.

Но Маркус готовил ужин, и от этого мир становился немного менее пустым.

Их жилой модуль был стандартным: восемнадцать квадратных метров на двоих, если не считать санузла и крошечного закутка, который станции называли «кухней». Стены цвета слоновой кости – кто-то в отделе психологического комфорта решил, что это успокаивает. Под потолком тянулись трубы климат-контроля, и если прислушаться, можно было различить далёкий гул станции: вентиляция, рециркуляция, жизнеобеспечение. Механическое сердцебиение «Вавилона», которое Лира давно перестала замечать.

Зато она замечала Маркуса.

Его широкие плечи – слишком широкие для станционных коридоров, он вечно задевал переборки. Его руки, которые двигались над разделочной доской с неожиданной грацией. Он был инженером, специалистом по термоядерным систе-

мам, и его пальцы умели разбирать реакторы на атомы и собирать обратно, но сейчас они нарезали лук – тонкими полукольцами, как его научила мать.

Его мать умерла шестнадцать лет назад, ещё на Земле. Он редко о ней говорил. Но когда готовил – особенно когда готовил с луком – Лира видела, как его лицо меняется. Мягче. Дальше.

– Маркус.

– М-м?

– Ты плачешь.

– Это лук, Ли. – Он шмыгнул носом, нарочито громко. – Драма. Я же объяснял.

Она улыбнулась и вернулась к отчёту, но буквы расплывались. Усталость была глубокой, той разновидности, которая не лечится сном. Восемь лет поиска. Восемь лет тишины. Каждый день – прогон алгоритмов, фильтрация шума, анализ аномалий. Каждый день – ничего.

Иногда она задавалась вопросом: что, если они одни? Вся эта бесконечность – пустая. Мёртвые камни, ледяные облака, звёзды, которые горят и гаснут без свидетелей. Что, если разум – просто ошибка эволюции, случайный сбой в термодинамике, плесень на крошечном камешке у заурядной звезды?

Мысль была невыносимой. Поэтому Лира продолжала искать.

– Готово через двадцать минут, – сообщил Маркус. – Если

не взорвётся.

– Что именно?

– Всё. Жизнь. Ужин. – Он бросил лук на сковороду, и раздалось шипение – громкое, весёлое, совершенно неуместное на орбитальной станции в тридцати миллионах километров от ближайшей кухни с газовой плитой. Маркус ухитрился раздобыть настоящую чугунную сковороду. Контрабанда, как и лук. – Помнишь, как в первый раз?

– Когда ты поджёг модуль?

– Я не поджёг. Я активировал термическую аномалию. – Он помешивал лук деревянной лопаткой, тоже контрабандной. – И пожарная система сработала штатно. Всего-то два часа в скафандрах, пока модуль проветривался.

– Романтика.

– Именно. – Он обернулся, и его глаза блестели – от лука, конечно, только от лука. – Ты сказала «да» после того ужина.

– Я сказала «да», потому что ты рисковал жизнью ради пасты с грибами.

– Это были шампиньоны. Настоящие, с Земли. Я три месяца их прятал.

– Они были зелёные.

– Пенициллин, Ли. Полезно для здоровья.

Она рассмеялась – впервые за день. Смех вышел хриплым, будто она забыла, как это делается.

Маркус снова отвернулся к плите, и Лира смотрела на его спину – на то, как двигаются лопатки под тонкой тканью фут-

болки, как напрягаются мышцы предплечий. Семь лет вместе. Три года в браке. Иногда она просыпалась среди ночи, слышала его дыхание рядом и не могла поверить, что это реально.

Что кто-то выбрал её. Что кто-то остался.

Её мать не осталась. Ушла, когда Лире было четырнадцать, – без записки, без объяснений. Просто исчезла. Лира до сих пор помнила запах её духов: что-то цветочное, удушливое. И тишину дома после.

Она никогда не рассказывала Маркусу всё. Он знал про уход – но не про то, как Лира потом три года боялась закрывать глаза, потому что в темноте приходил голос: *ты недостаточно хороша, поэтому она ушла*.

Не рассказывала и про эпизод в двадцать четыре. Психотический срыв – так это называлось в медицинских документах. Неделя в клинике. Голоса, которые не были голосами. Уверенность, что она расшифровала сигнал, которого не существовало. Паттерны, которые складывались в слова, которые складывались в *послание* – и потом рассыпались в белый шум, когда лекарства подействовали.

Она до сих пор не знала, что было страшнее: потерять разум или вернуть его. Понять, что всё, во что она верила, было галлюцинацией. Что она сама – ненадёжный свидетель собственного сознания.

Маркус знал про диагноз. «Компенсированное расстройство, без рецидивов» – так значилось в её файле. Он никогда

не спрашивал подробностей. Просто однажды сказал: «Ли, мы все немного сломанные. Главное – подходить друг другу по трещинам».

Дурацкая фраза. Она плакала полчаса.

– Эй. – Его голос выдернул её обратно. – Ты где?

– Здесь. – Она моргнула, прогоняя воспоминания. – Думала о трещинах.

– Хорошие или плохие?

– Наши.

Он улыбнулся – той улыбкой, которая была только для неё. Не широкой, не показной. Просто мягкий изгиб губ, морщинки у глаз. Ему тридцать девять, и морщины становились глубже, и седина пробивалась на висках, и она любила его сильнее с каждым годом. Это пугало. Любовь всегда пугала – она знала, как это работает. Чем больше вкладываешь, тем больше терять.

– Иди сюда, – сказал он. – Поможешь.

Она отложила планшет и подошла. Модуль был крошечным – три шага от рабочего угла до кухонного. Запах лука бил в нос, сладковатый и острый одновременно. На плите что-то булькало в кастрюле – соус, судя по цвету. Томатный. Откуда он взял помидоры, она не хотела спрашивать.

– Держи. – Он протянул ей нож. – Нарезь перец.

– Я плохо режу.

– Знаю. Но мне нравится смотреть, как ты стараешься.

Она закатила глаза, но взяла нож. Болгарский перец –

красный, глянцевый – лежал на доске, как ювелирное украшение. Она не помнила, когда в последний раз видела настоящий перец. Годы. Всё, что подавали в столовой «Вавилонна», было сублимированным, восстановленным, напечатанным. Еда, которая выглядела как еда и даже почти пахла как еда, но никогда не *ощущалась* как еда.

А этот перец – ощущался. Хрустящий. Сочный. Настоящий.

Она начала резать – неровно, как и предупреждала. Маркус стоял рядом, помешивая соус, и их локти иногда соприкасались. Тепло. Запах его кожи под дешёвым станционным мылом. Звук шипящего масла.

– Я получил назначение, – сказал он.

Нож замер.

– Какое?

– Меркурий. «Калорис-9». – Он не смотрел на неё. – Проект «Прометей». Термоядерный комплекс на терминаторе. Им нужен специалист по магнитному удержанию, и они выбрали меня.

Меркурий. Она знала про проект – кто не знал? Первый шаг к добыче гелия-3 в промышленных масштабах. Первый постоянный форпост в зоне, где температура прыгает от минус ста ночью до плюс четырёмсот на солнце. Первый реактор, способный выжить в таких условиях.

Опасно. Престижно. Далеко.

Восемь месяцев лёта от «Вавилонна». Три года контракта.

Связь – с задержкой в семь минут в лучшие дни, пятьдесят три в худшие.

Три года.

– Когда? – спросила она. Голос не дрогнул. Почти.

– Через шесть месяцев. Может, четыре, если ускорят монтаж.

Она положила нож. Перец остался недорезанным – красные ломтики на белой доске, как капли чего-то.

– Ты согласился?

– Я сказал, что обсужу с тобой.

– Но ты уже решил.

Он наконец повернулся. Глаза красные – от лука. От лука, конечно.

– Ли. Это шанс. Один на миллион. Такие проекты случаются раз в поколение. – Он взял её руки в свои. Его ладони были тёплыми, чуть влажными. – И я хочу, чтобы ты поехала со мной.

– На Меркурий?

– На Меркурий.

Она смотрела на него. За иллюминатором – тонкая щель, не закрытая шторкой – виднелась чернота. Звёзды. Бесконечность, в которой она искала ответ восемь лет.

– Там нет радиотелескопов.

– Там есть я.

Простой ответ. Честный. Маркус никогда не умел врать – лицо выдавало всё, что он думал. И сейчас оно говорило: я

хочу этого. Хочу так сильно, что готов просить.

Он редко просил. Обычно отдавал.

– Я не знаю, – сказала она.

– Не сейчас. – Он сжал её руки. – Подумай. У нас есть время.

– Сколько?

– Месяц. Два. – Он улыбнулся, но улыбка вышла кривой. – Я не хочу ехать без тебя, Ли. Но и не поехать не могу. Понимаешь?

Она понимала. В этом была проблема.

Соус булькнул, и Маркус вернулся к плите. Она стояла, глядя на его спину. Меркурий. Три года. Связь с задержкой. Никаких радиотелескопов. Никаких поисков. Только жара, радиация и реакторы.

Но – он.

Что важнее?

Голос в голове был её собственным. Тихим, неуверенным. Голос, который задавал вопросы, на которые не было ответов.

Маркус потянулся за чем-то – то ли специями, то ли ещё одной контрабандой – и задел локтем разделочную доску. Нож соскользнул.

– Чёрт!

Кровь.

Алая, яркая. На указательном пальце, там, где лезвие прошло по подушечке. Неглубоко, но достаточно, чтобы забо-

леть.

Он сунул палец в рот – машинально, по-детски.

– Дай посмотрю. – Лира взяла его руку. Порез был чистый, ровный. Крови немного, но она всё равно текла, собираясь в капельки на коже. – Аптечка.

– Это царапина, Ли.

– Аптечка.

Он не спорил. Она достала набор из шкафчика – стандартный, казённый, с синтетическим пластырем и антисептиком. Обработала порез. Он шипел сквозь зубы, но не отдёргивал руку.

– Неуклюжий, – сказала она. Это прозвучало как «я люблю тебя».

– Ага.

Она наклеила пластырь. Белый квадратик на смуглой коже. Он выглядел нелепо – такой маленький, такой обычный.

– Готово.

– Мой герой.

Она хотела ответить что-то остроумное, но слова не шли. Смотрела на его руку – на пластырь, на тонкие волоски на запястье, на вену, пульсирующую под кожей. Живой. Тёплый. Здесь.

Ты уедешь, – подумала она. – Рано или поздно – уедешь. На Меркурий, или куда-то ещё, или просто – уйдёшь. Все уходят.

Мысль была старой, знакомой. Голос из темноты, который

так и не замолчал полностью.

– Эй. – Он тронул её подбородок, заставляя поднять глаза. – Ты где?

– Здесь.

– Неправда.

Она не ответила.

Маркус обнял её – просто обнял, без слов. Прижал к себе. Она слышала его сердцебиение через тонкую ткань футболки: ровное, спокойное. Он пах луком, и потом, и чем-то ещё – чем-то, что было только им.

– Всё будет хорошо, – сказал он.

– Откуда ты знаешь?

– Не знаю. – Он усмехнулся. – Но говорю всё равно. Это работает, доказано наукой.

– Ты инженер, а не психолог.

– Инженеры тоже люди, Ли.

– Спорное утверждение.

Он рассмеялся – тем смехом, который она любила. Низким, раскатистым. Смех, от которого дрожала грудная клетка и становилось тепло.

Соус снова булькнул, и Маркус отстранился – неохотно, по частям. Сначала отпустил её плечи. Потом руки. Пальцы задержались на её ладони, переплелись на секунду, отпустили.

– Пять минут до катастрофы, – объявил он. – В смысле – до ужина.

Она смотрела, как он помешивает соус. Как добавляет специи – что-то зелёное, пряное, она не знала название. Как пробует на вкус и кривится: «Соли мало». Как двигается по их крошечной кухне, задевая локтями стены, – слишком большой для этого пространства, слишком живой.

Три года, – думала она. – Три года без этого.

Но потом – что? Он вернётся. Или она приедет. Или они встретятся где-то посередине, в точке Лагранжа между их жизнями.

Или – нет.

Все уходят.

Она отогнала мысль. Не сейчас. Сейчас – ужин. Настоящий ужин, с луком и помидорами и перцем. Сейчас – он. Всё остальное – потом.

Они ели за складным столом, который Маркус соорудил из панели управления сломанного дрона. (Он клялся, что дрон был списан. Она не верила.) Паста с овощами и соусом – простая, но после месяцев сублимированной каши она казалась пиршеством. Вкус помидоров – кисло-сладкий, яркий. Хруст перца на зубах. Лук – мягкий, карамелизованный, тающий на языке.

– Вкусно, – сказала она. Это было правдой.

– Знаю. – Он не был скромным. – Мама научила.

– Ты часто её вспоминаешь.

– Когда готовлю – да. – Он помолчал, накручивая пасту на вилку. – Она говорила: еда – это любовь, которую можно

съесть. Глупо звучит, но...

– Нет. – Лира покачала головой. – Не глупо.

Она доела. Он доел. За иллюминатором медленно поворачивались звёзды – станция вращалась, создавая подобие гравитации. 0.3g, достаточно, чтобы вилка падала вниз, недостаточно, чтобы чувствовать себя дома.

Дома. Она давно не думала о Земле как о доме. Дом был здесь – эти восемнадцать квадратных метров, этот человек напротив, эти нелепые украденные помидоры.

– Ли.

– М-м?

– Поедешь со мной?

Она смотрела на него. Его лицо в тусклом свете – усталое, но открытое. Он не давил. Просто спрашивал.

– Я не знаю, – повторила она.

– Это ответ?

– Это правда.

Он кивнул. Не обиделся. Маркус никогда не обижался на правду – одна из вещей, за которые она его любила.

– У нас есть время, – сказал он снова. – Но... Ли, я хочу, чтобы ты знала. Если ты скажешь «нет» – я пойму. Я не буду... не знаю, ненавижу тебя, или что там люди делают. Но я поеду. Мне нужно это. Понимаешь?

– Понимаю.

– И мне нужна ты.

Она закрыла глаза. Темнота за веками была мягкой, бар-

хатной. Не той темнотой, которая приходила в кошмарах. Просто – отсутствие света.

– Давай не сегодня, – сказала она. – Давай... просто побудем. Без решений. Можно?

– Можно.

Он убрал посуду. Она сидела, слушая звуки: вода в раковине, звон тарелок, его шаги. Потом он вернулся, и они перешли в спальный отсек – три шага, другая сторона модуля, ширма вместо стены.

Кровать была узкой. Стандартной. Они привыкли спать, переплетаясь, – не от романтики, а от необходимости. Два тела в пространстве, рассчитанном на полтора.

Лира легла. Закрывает глаза.

Маркус лёг рядом. Она почувствовала, как продавился матрас, как его тепло приблизилось.

– Ли.

– Что?

– Спасибо.

– За что?

– Не знаю. За всё. – Пауза. – Что ты есть.

Она хотела ответить – но слова застряли в горле. Вместо этого она нащупала его руку в темноте. Сжала. Он сжал в ответ.

Тишина. Гул станции. Его дыхание рядом – ровное, замедляющееся. Он засыпал быстро, всегда засыпал быстро. Она завидовала. Ей требовались часы, чтобы отпустить день.

Под одеялом его ступня коснулась её ступни. Тёплая. Знакомая.

Она закрыла глаза.

Меркурий, – думала она. – Три года. Связь с задержкой. Жара. Радиация. Он будет там, а я – здесь. Или я буду там, а моя работа – здесь. Нет правильного ответа. Нет хорошего выбора.

Голос в голове не умолкал. Он редко умолкал.

А если он не вернётся? Авария, разгерметизация, солнечная вспышка – сто способов умереть на Меркурии. Ты знаешь статистику. Ты знаешь, как это работает. Люди уходят. Люди умирают. Люди исчезают – и ты остаёшься одна.

Опять.

Она стиснула зубы. Голос лгал. Он всегда лгал. Это просто тревога, обычная, человеческая тревога, она знала её имя и форму, она умела с ней справляться. Дыхание. Фокус. Здесь и сейчас.

Здесь и сейчас.

Его ступня рядом с её. Тёплая.

Его дыхание – ровное.

Его сердце – бьётся.

Она начала проваливаться в сон – медленно, слой за слоем, как луковица, которую чистят наоборот. Сознание отступало, мысли путались, становились странными, бессвязными.

Луковица. Слои. Он порезался, когда чистил. Кровь на пальцах. Пластырь. Белый квадратик на смуглой коже...

И потом – сон.

Она стояла в пустоте.

Не в космосе – космос был чёрным, холодным, полным звёзд. Это была другая пустота: безразмерная, бесцветная. Ни верха, ни низа. Ни горизонта. Ничего.

А потом – появилось.

Сначала она не поняла, что видит. Структура – огромная, невозможная. Сферы внутри сфер, вложенные друг в друга, как... как...

Как матрёшка, – подумала она, и слово пришло само, будто кто-то шепнул на ухо.

Структура светилась. Не светом – чем-то другим. Информацией, может быть. Смыслом. Она чувствовала его, хотя не понимала – колоссальное давление *значения*, от которого болели виски.

И структура – *облезала*.

Внешние слои отваливались, как шелуха. Как кожа с обгоревшего тела. Как...

Как слои с лука.

Она смотрела. Не могла отвернуться.

Под слоями – другие слои. И под ними – ещё. И в самой глубине, в ядре – что-то... кто-то...

Мы – прошелестело в её голове, и это был не голос, не слова, а чистый смысл, вколоченный прямо в сознание. – *Мы умираем. Мы оставляем.*

Что? Что вы оставляете?

Вас.

Структура вздрогнула – вся, целиком, миллиарды тонн невозможного вещества. Внешний слой отделился и поплыл прочь, распадаясь на осколки. Свет – или что-то вместо света – мигнул.

Найдите. Примите. Станьте.

Лира хотела спросить – кто вы? Что это значит? Зачем? – но рот не открывался, и звуков не было, и она понимала, что это сон, просто сон, странный сон...

Структура начала рушиться. Слой за слоем. Быстрее. Быстрее. Пыль, обломки, угасающий свет. В центре – что-то яркое, пульсирующее, живое.

Мы умираем.

И – вспышка.

Не свет. Звук. Оглушительный, невозможный – в пустоте, где нет воздуха, где нечему звучать.

Завещание, – прошептала пустота. – *Примите наследство.*

Лира проснулась.

Тишина. Гул станции. Темнота.

Она лежала, глядя в потолок, которого не видела. Сердце колотилось – быстро, неровно. Рот пересох.

Что... что это было?

Сон. Просто сон. Она знала сны – её мозг был склонен к ярким, странным образам, особенно в периоды стресса. Меркурий. Разговор. Тревога. Вот и результат.

Просто сон.

Но ощущение не уходило. Давление *смысла* в голове. Голос – не-голос – который говорил: *вас*.

Она потёрла виски. Помогло, немного.

Рядом Маркус спал – мирно, глубоко. Его ступня всё ещё касалась её. Тёплая. Надёжная.

Она повернулась набок, прижалась к нему. Он пробормотал что-то во сне, но не проснулся. Просто обнял её – машинально, привычно. Руки сомкнулись вокруг неё.

Он здесь, – сказала она себе. – Я здесь. Мы здесь. Всё остальное – потом.

Структура в голове – сферы внутри сфер, облезающие – мерцала на границе памяти. Лира попыталась ухватить образ, рассмотреть его – но он ускользал, как вода сквозь пальцы.

К утру она забудет. Она знала это так же точно, как знала своё имя.

Хорошо, – подумала она, закрывая глаза. – Хорошо, что забуду.

Маркус вздохнул во сне. Она прижалась теснее.

Сон вернулся – мягкий, пустой, без образов. Просто темнота. Просто отдых.

Его ступня касалась её.

Этого было достаточно.

Утром она проснулась от запаха кофе.

Маркус стоял у их крошечного синтезатора, колдуя над чашкой. Кофе был ненастоящий – восстановленный, как и всё остальное, – но он научился добавлять что-то, отчего вкус становился почти правильным.

– Доброе утро, – сказал он, не оборачиваясь. – Как спала?

– Нормально, – ответила она. И поняла, что это правда.

Она помнила сон – смутно, обрывками. Что-то большое. Что-то... странное. Но детали ускользнули, как ей и казалось.

– Ли? – Он протянул ей чашку. – Ты в порядке?

– Да. – Она взяла кофе. Тёплый. – Просто... снилось что-то.

– Что?

Она попыталась вспомнить. Сферы? Свет? Голос?

– Не помню.

Маркус улыбнулся – той улыбкой, которая была только для неё.

– Может, и лучше. Мои сны вчера были про налоговые отчёты. Не рекомендую.

Она фыркнула. Отпила кофе. Горьковато, но тепло.

За иллюминатором поворачивались звёзды. День начинался – такой же, как сотни других. Работа. Алгоритмы. Поиск.

Меркурий мог подождать. Решения могли подождать.

Сейчас – кофе. Сейчас – он.

Она смотрела, как Маркус возится с планшетом, проверяя рабочие сообщения. На его пальце – белый квадратик пластыря. Порез от лука. Крошечный, незначительный.

Почему-то она не могла отвести глаз.

Кровь на пальцах. Шелуха, кружащаяся в воздухе. Облезающие слои.

– Ли?

– Да. – Она моргнула. – Всё хорошо.

Он не спорил. Просто кивнул и вернулся к планшету.

Она допила кофе.

Где-то на границе памяти – там, где хранятся забытые сны – что-то мерцало. Сферы. Свет. Голос.

Найдите. Примите. Станьте.

Она не помнила. И, может быть, так было лучше.

Может быть, так было лучше.

Я не запомнила сон. Может, так лучше.

Часть I. Сигнал

Глава 1: Кассандра

Орбитальная станция «Вавилон», обсерватория День 0

Год.

Триста шестьдесят два дня, если быть точной. Лира была точной – профессиональная деформация. Нейролингвисты не округляют.

Триста шестьдесят два дня с тех пор, как Маркус улетел. Сто четырнадцать – с последнего видеосообщения. Сорок семь – с последнего текстового. Связь становилась хуже: солнечная активность, помехи, приоритет служебных каналов над личными. Стандартная ситуация для Меркурия.

Она говорила себе это каждое утро. Стандартная ситуация.

Обсерватория «Вавилона» занимала внешний модуль – там, где вращение станции создавало почти земную гравитацию. 0.87g, достаточно, чтобы кофе оставался в чашке. Лира сидела перед главным терминалом, обхватив ладонями очередную порцию синтетической бурды, которую оптимисты называли кофе.

Маркус умел делать его вкусным. Добавлял что-то – она так и не выяснила, что именно. Теперь некого было спросить.

Экраны перед ней мерцали потоками данных. Радиотелескоп «Ухо Мидаса» – семьсот метров диаметра, развёрнутый на теневой стороне станции – прочёсывал небо в поисках... чего? Сигналов. Паттернов. Смысла.

Восемь лет. Теперь – девять. Ничего.

– Чэнь, – раздался голос за спиной. – Ты опять первая.

Виктор Сандерс, астрофизик, пятьдесят три года, лысина, которую он маскировал бейсболкой с логотипом Марсианского университета. Он руководил ночной сменой – хотя на станции понятие «ночь» было условностью. Просто период, когда большинство спало.

– Не могла уснуть, – сказала Лира. Это было полуправдой. Она могла. Просто не хотела.

– Опять проверяешь сектор КИС-8462?

– Привычка.

Сандерс хмыкнул. Сектор КИС-8462 был её личным проклятием. Четыре года назад там зафиксировали аномальное затемнение – звезда мигала неравномерно, будто что-то огромное проходило перед её диском. Лира потратила восемь месяцев на анализ. Результат: пылевое облако. Вероятность 94.7%.

Остальные 5.3% не давали ей спать.

– Сегодня тихо, – сказал Сандерс, усаживаясь за соседний терминал. – Солнце успокоилось. Может, получим чистые

данные впервые за неделю.

Лира кивнула, не отрывая глаз от экрана. Данные ползли слева направо: частоты, амплитуды, временные метки. Шум. Шум. Шум. Иногда – пульсары, их регулярные вспышки, как метрономы мёртвых звёзд. Иногда – квазары, далёкие и яркие. Но никогда – ничего *осмысленного*.

Кофе остывал в руках. Она отпила – горько, водянисто. Не как у Маркуса.

Прекрати, – сказала она себе. – *Сосредоточься*.

Экран мигнул.

Сначала она не обратила внимания – обычный сбой, помеха, артефакт обработки. Но потом мигнуло снова. И снова. Ритмично.

– Сандерс.

– М-м?

– Посмотри на это.

Он подкатился на кресле – колёсики скрипнули по металлическому полу. Его лицо отразило свет экрана: синеватый, мертвенный.

– Что там?

– Сектор КИС-8462. – Она указала на график. – Видишь?

– Вижу шум.

– Не шум. Смотри на периодичность.

Она вывела данные на главный дисплей. Линия прыгала вверх-вниз – хаотично на первый взгляд. Но если замедлить... если отфильтровать фон...

Паттерн.

Слабый. Почти неразличимый. Но – там.

– Это может быть инструментальная ошибка, – сказал Сандерс. Его голос стал осторожным. – Датчик барахлит, или...

– Датчик проверен вчера. – Лира уже переключала экраны. – Я запущу кросс-корреляцию с резервной антенной. Если ошибка – не подтвердится.

Пальцы летали по клавиатуре. Команды уходили в систему. Где-то на другой стороне станции вторая антенна – меньше, старше, но независимая – начала сканировать тот же участок неба.

Минута. Две. Три.

Данные пришли.

Лира смотрела на экран. Сандерс смотрел на экран. Никто не говорил.

Паттерн был тот же. Два независимых инструмента. Одинаковый результат.

– Это не ошибка, – сказала она. Голос прозвучал странно – слишком ровно.

– Это может быть... естественный источник. Пульсар. Или...

– Пульсары не мигают так. – Она вывела сравнительный анализ. – Слишком нерегулярно для вращения, слишком регулярно для хаоса. Это... структура.

Слово повисло в воздухе.

Сандерс снял бейсболку, потёр лысину. Жест, который означал: «Я не знаю, что думать».

– Нужно больше данных, – сказал он. – Запроси приоритетный доступ к «Уху». Полный спектр. И... вызови Нгуена. Он специалист по аномалиям.

– Сейчас три часа ночи.

– Разбуди его.

Лира потянулась к коммуникатору – и остановилась. На экране мелькнуло что-то новое. Не данные. Изображение.

– Подожди. – Она переключила режим. – Оптический диапазон. Телескоп «Аргус» тоже смотрит на этот сектор – плановое наблюдение, начатое вчера. У нас есть картинка.

Изображение загружалось медленно – пиксель за пикселем, как старая фотография проявляется в растворе. Звёзды. Темнота. И – *что-то ещё*.

Сначала она подумала: туманность. Газопылевое облако, освещённое соседней звездой. Такое бывает. Такое – объяснимо.

Но туманности не имеют формы.

А это – имело.

Сферы. Концентрические сферы. Вложенные друг в друга – как матрёшка, как луковица, как...

Как во сне.

Мысль пришла ниоткуда, острая, как осколок стекла. Лира моргнула. Во сне? Каким сне? Она не помнила никакого...

Облезает.

Слово всплыло само. Она не знала, откуда. Просто – было. Внутри. Под коркой сознания.

И когда она посмотрела на изображение снова – увидела.

Внешний слой структуры *отходил*. Медленно, беззвучно, в масштабах, которые мозг отказывался воспринимать. Огромная сфера – размером с... с орбиту Меркурия? Больше? – теряла свою оболочку. Осколки плыли прочь, рассеивались, гасли.

Структура умирала.

– Боже мой, – прошептал Сандерс.

Лира не ответила. Она смотрела на экран, и что-то внутри неё – что-то глубокое, древнее, спящее – начинало *узнавать*.

Через два часа обсерватория была полна.

Нгуен пришёл первым – взъерошенный, в мятой футболке, с глазами, которые ещё не проснулись. За ним – Ковальская, руководитель смены. Потом – Ямамото, Бхаттачарья, Ли. Все, кто мог передвигаться. Все, кто понимал, что происходит.

А понимал ли кто-то?

Лира сидела в углу, сжимая остывший кофе. Вокруг гудели голоса – возбуждённые, испуганные, скептические. Кто-то требовал перепроверить данные. Кто-то уже строил гипотезы. Кто-то просто смотрел на экран и молчал.

Изображение висело над ними – увеличенное, обработан-

ное, очищенное от шума. Структура. Сферы внутри сфер. Облезающая оболочка.

– Это не может быть естественным, – говорил Нгуен. Его голос дрожал. – Никакой известный процесс не создаёт такие формы. Это... это...

– Сфера Дайсона, – тихо сказала Бхаттачарья. – Или... что-то похожее.

Тишина.

Сфера Дайсона. Теоретическая конструкция – оболочка вокруг звезды, собирающая всю её энергию. Мегаструктура, которую могла бы построить только сверхцивилизация. Гипотеза, над которой посмеивались на конференциях.

И теперь – возможно – *реальность*.

– Подождите, – вмешался Ямамото. Он был старшим в группе, седой, осторожный. – Мы не можем делать такие выводы на основании одного изображения. Нужна спектроскопия, нужен анализ движения, нужно...

– У нас есть спектр, – перебила Лира.

Все повернулись к ней.

Она подняла глаза от чашки. Кофе внутри давно превратился в холодную жижу, но она продолжала её держать – как якорь.

– Я запустила анализ полчаса назад. Результаты готовы.

Ковальская кивнула:

– Показывай.

Лира вывела данные на экран. График. Линии поглоще-

ния и излучения. Химический состав.

– Внешний слой – углерод, кремний, следы металлов. Стандартный набор для... ну, для чего угодно космического. – Она указала на другой участок. – Но внутренние слои – другое дело. Вот здесь – структуры, которые я не могу идентифицировать. Неизвестные полимеры. Возможно – наноматериалы. И *это*.

Она выделила пик на графике. Резкий, аномальный.

– Изотоп технеция-99. Период полураспада – двести тысяч лет. В природе не встречается. Только – как продукт ядерных реакций.

Молчание.

Технеций-99. Искусственный элемент. Следы технологии.

– Это доказательство, – прошептала Бхаттачарья. – Это... мы нашли...

– Это *возможное* доказательство, – поправила Ковальская. Но её голос дрогнул. – Нам нужно больше данных. Нам нужно...

– Посмотрите на скорость распада, – перебил Нгуен. Он что-то считал на планшете, пальцы бегали по экрану. – Внешний слой отделяется со скоростью... три тысячи километров в секунду? Это невозможно. Это – катастрофа. Структура не просто умирает. Она *разрушается*.

Лира смотрела на изображение. Сферы. Слои. Шелуха.

Как лук, – подумала она. И снова это чувство – узнавание. Дежавю, только глубже. Будто она видела это раньше. Не на

экране – *изнутри*.

– Есть ещё кое-что, – сказала она.

Голос прозвучал тихо, но все услышали.

– Что?

– Сигнал. – Она переключила экран. – Тот паттерн, с которого всё началось. Я прогнала его через мои алгоритмы – те, что я разрабатывала для анализа возможных внеземных сообщений. И получила... это.

На экране появился график – сложный, многомерный. Волны, пересекающиеся, складывающиеся, образующие...

– Это не шум, – сказала Лира. – Это структурированные данные. Очень сложные. Очень... плотные. Я не могу их расшифровать – пока. Но могу сказать одно: это *намеренный* сигнал. Кто-то *хотел*, чтобы его услышали.

– Кто? – спросил Ямамото. – Откуда?

– Оттуда. – Лира указала на изображение. – Из структуры. Она передаёт.

– Передаёт *что*?

– Не знаю. – Она помолчала. – Но у меня есть гипотеза.

Все ждали.

– Структура разрушается, – сказала Лира медленно. – Мы видим финальную стадию. Что бы там ни было – оно умирает. И перед смертью... оно отправляет сообщение.

– Сообщение кому?

Лира не ответила. Вместо этого она вывела на экран ещё одну карту – схему Солнечной системы. Красная линия пе-

ресекала её от края до центра.

– Сигнал направленный, – сказала она. – Узкий луч. Почти лазерный. И он указывает... сюда.

Красная линия упиралась в жёлтую точку в центре.

– На Солнце? – не понял Нгуен.

– Нет. – Лира покачала головой. – *Через Солнце.* Если продлить траекторию... – она нажала кнопку, и линия вытянулась дальше, – он проходит через нашу систему. Через все планеты. Через всё, что мы построили.

Пауза.

– Ты хочешь сказать... – начал Ямамото.

– Я хочу сказать, что сигнал адресован нам. Всем нам. Солнечной системе. Человечеству. – Она посмотрела на коллег – на их бледные лица, расширенные зрачки. – Что-то там, далеко, знает о нас. И оно... передаёт.

Тишина.

Потом – взрыв голосов. Вопросы, возражения, требования доказательств. Ковальская пыталась навести порядок. Нгуен что-то яростно печатал. Бхаттачарья закрыла лицо руками.

Лира не слышала их.

Она смотрела на экран – на структуру, на сферы, на облезающие слои. И внутри неё – там, где прятались забытые сны – что-то шевелилось.

Год назад, – думала она. – Та ночь. Маркус готовил ужин. Лук. Порез. Сон, который я не запомнила.

Но она помнила. Сейчас – помнила.

Сферы. Свет. Голос, который не был голосом.

Мы умираем. Мы оставляем.

Вас.

Её руки дрожали. Кофе выплеснулся на пальцы – холодный, липкий.

– Чэнь? – Голос Ковальской прорвался сквозь шум. – Ты в порядке?

– Да, – соврала Лира. – Да. Я просто...

Она не закончила. Экран мигнул – новые данные. Сигнал усиливался. Структура продолжала разрушаться, и с каждой минутой передача становилась *громче*.

Будто кто-то торопился сказать последнее.

Следующие шесть часов слились в одно размытое пятно.

Лира не выходила из обсерватории. Кто-то приносил еду – она не помнила, ела ли. Кто-то говорил с ней – она отвечала, но слова не задерживались в памяти. Всё её существо было сфокусировано на одном: данные. Сигнал. Смысл.

Структура получила временное название: «Объект Мида-са» – в честь телескопа, который её обнаружил. Официальное обозначение: КИС-8462-А. Расстояние: 1400 световых лет. Возраст сигнала, соответственно: 1400 лет. То, что они видели сейчас, произошло ещё до падения Римской империи.

И всё это время – *оно* ждало, пока его услышат.

Лира работала над дешифровкой. Её алгоритмы – те самые, которые она совершенствовала девять лет – наконец-то получили настоящую задачу. Не гипотетические модели. Не симуляции. Реальный сигнал от реального источника.

От кого-то.

Паттерны были сложными – слишком сложными для быстрого анализа. Многослойными, как сама структура. Она выделяла фрагменты, группировала, искала повторы. Медленно, мучительно – но прогресс был.

К полудню – по станционному времени – она нашла первый ключ.

– Сандерс, – позвала она. Голос охрип от молчания.

Он подошёл – усталый, с красными глазами. Никто не спал в эту ночь.

– Что?

– Смотри. – Она вывела на экран два графика рядом. – Слева – наш сигнал. Справа – периодическая таблица элементов. Видишь?

Он смотрел. Молчал.

– Вот здесь, – Лира указала на фрагмент, – последовательность, которая повторяется. Один импульс, пауза, два импульса, пауза, и так далее до ста восемнадцати. А потом – сброс и новая структура. Это...

– Числа, – выдохнул Сандерс. – Они передают числа.

– Не просто числа. Периодическую таблицу. Атомные но-

мера. – Лира откинулась в кресле. Спина болела – сколько часов она сидела? – Это... маяк. Или... введение. «Мы знаем физику. Мы разумны. Слушайте дальше».

– Как «Вояджер», – сказал Сандерс. – Золотая пластинка.
– Да. Только в миллиард раз сложнее.

Она смотрела на экран. Периодическая таблица – первый шаг. За ней – что? Математика? Химия? Язык?

Язык.

Слово отозвалось внутри. Это было её специальностью. Нейролингвистика – наука о том, как мозг обрабатывает смысл. Она всю жизнь готовилась к этому моменту. И теперь – он наступил.

– Мне нужно больше времени, – сказала она. – И больше мощности. Можем ли мы подключить кластер Б?

– Подключим что угодно. – Сандерс положил руку ей на плечо. – Чэнь... ты понимаешь, что это значит?

– Да.

– Нет, – он покачал головой, – я не уверен, что понимаешь. Это – первый контакт. Настоящий. Мы искали сто лет и нашли... *это*. И ты – ты первая.

Кассандра, – подумала Лира. Почему это имя? Пророчица, которой не верили. Которая видела падение Трои.

– Мне повезло, – сказала она вслух.

– Везение – это когда подготовка встречает возможность. – Сандерс улыбнулся – впервые за ночь. – Ты готовилась девять лет.

Она хотела ответить – но коммуникатор запищал. Входящее сообщение. Приоритет: высокий.

От: Ковальская, Е.

Тема: Срочно. Конференц-зал.

Лира поднялась – ноги затекли, колени хрустнули. Сколько она просидела? Не важно. Есть новости.

Конференц-зал находился в центральном модуле – три минуты по коридорам, если идти быстро. Она шла быстро. Мимо лабораторий, мимо жилых секций, мимо окон, за которыми крутились звёзды. Станция жила своей обычной жизнью – люди работали, ели, спали. Они ещё не знали.

Скоро узнают, – подумала Лира. – Все узнают.

Двери конференц-зала открылись. Внутри – Ковальская, Ямамото, ещё несколько человек, которых Лира не сразу узнала. Экраны. Голограммы. Кто-то из руководства станции – седой мужчина в форме, адмирал или что-то вроде.

– Чэнь, – сказала Ковальская. – Садись. У нас новые данные.

Лира села. Стул был жёстким, неудобным.

– Что происходит?

– Структура, – ответила Ковальская. – Объект Мидаса. Мы получили обновлённые изображения с «Аргуса». И... есть проблема.

Экран ожил. Новое изображение – чётче, детальнее. Структура всё ещё там: сферы, слои, распад. Но теперь Лира видела больше.

Внешний слой почти полностью отделился. Обломки плыли в пустоте – тысячи, миллионы осколков, каждый размером с континент. За ними – второй слой, тоже трескающийся. За ним – третий. Четвёртый. Пятый.

Как луковица.

Облезает.

– Боже мой, – прошептала она.

– Это ещё не всё. – Ковальская переключила экран. – Спектральный анализ ядра. Посмотри на температуру.

Лира смотрела. Цифры не складывались в голове – слишком большие, слишком... неправильные.

– Это... ошибка?

– Нет. Мы перепроверили четырежды. Ядро структуры – тридцать миллионов Кельвинов. Как... как термоядерный реактор. Только больше. Гораздо больше.

– Сфера Дайсона, – сказал Ямамото. – Или, точнее, – рой Дайсона. Множество объектов вокруг звезды, собирающих её энергию. Мы видим не одну сферу – мы видим *миллиарды*.

Миллиарды.

Лира попыталась представить – и не смогла. Масштаб был запредельным. Вся человеческая цивилизация – песчинка рядом с этим.

– И они разрушаются, – сказала она.

– Да. – Ковальская кивнула. – Катастрофически. Мы оценили скорость распада. При текущих темпах – полный кол-

лапс через... – она сверилась с планшетом, – через три-четыре месяца. По земному времени.

Три месяца. Четыре. Структура, которая существовала... сколько? Миллионы лет? Миллиарды?

– Почему? – спросила Лира. – Что их уничтожает?

– Не знаем. – Это сказал адмирал – или кто он там был. Голос сухой, командный. – Возможно – естественный процесс. Звезда в центре могла стать нестабильной. Или... – он помедлил, – или это *преднамеренно*.

– Преднамеренно?

– Самоуничтожение. – Адмирал встал, подошёл к экрану. – Мы не можем исключать такую возможность. Если там была... цивилизация... и если она решила уйти...

– Они бы не оставили сообщение, – возразила Лира. – Зачем передавать, если ты решил уничтожить себя?

– Может, сообщение – часть процесса. – Это сказала Ковальская. – Завещание, если хочешь. «Мы были. Мы уходим. Вот что мы знали».

Завещание.

Слово ударило Лиру как пощёчина. Откуда? Почему?

Мы умираем. Мы оставляем. Вас.

Голос из сна. Голос, который не был голосом.

Она стиснула кулаки под столом. Ладони были влажными. Сердце колотилось – слишком быстро, слишком громко. Паническая атака? Нет. Не сейчас. Не здесь.

Дыши. Фокус. Здесь и сейчас.

– Чэнь? – Ковальская смотрела на неё с тревогой. – Ты бледная. Всё в порядке?

– Да. – Лира заставила себя разжать кулаки. – Просто... не спала. Продолжайте.

Совещание продолжилось. Планы, приоритеты, распределение ресурсов. Нужно было уведомить Землю – задержка связи: двадцать две минуты. Нужно было координировать с другими станциями. Нужно было... много чего.

Лира слушала вполуха. Её мысли были в другом месте.

Год назад. Лук. Порез. Сон.

Она помнила – теперь помнила отчётливо. Сферы в пустоте. Голос. Слова, которые не были словами.

Найдите. Примите. Станьте.

Это был не сон. Или – не только сон. Что-то *прикоснулось* к ней тогда. Что-то *показало*. И она забыла – но не полностью. Где-то глубоко, под коркой сознания, образ остался. Ждал.

Ждал этого дня.

– ...Чэнь будет руководить дешифровкой, – сказала Ковальская. – Это её специальность. Возражения?

Никто не возразил.

– Хорошо. – Ковальская повернулась к ней. – Лира, у тебя есть всё, что нужно?

– Почти. – Лира откашлялась. – Мне нужна связь с Меркурием.

Пауза.

– Зачем? – спросил адмирал.

– Мой муж там. Маркус Иванов-Чэнь. Инженер проекта «Прометей». – Она подбирала слова осторожно. – Он... специалист по сложным системам. Его опыт может быть полезен.

Полуправда. Настоящая правда была проще: она хотела услышать его голос. Хотела рассказать. Хотела – не быть одной с этим.

– Личная связь с Меркурием сейчас ограничена, – сказал адмирал. – Солнечная активность, приоритет служебных каналов...

– Я понимаю. Но это важно. – Лира посмотрела ему в глаза. – Я нашла сигнал. Я буду его дешифровать. И мне нужна... поддержка.

Адмирал молчал. Потом – кивнул.

– Я распоряжусь. Но только один сеанс связи. И короткий.
– Спасибо.

Совещание закончилось. Люди расходились – усталые, возбуждённые, напуганные. Лира осталась сидеть. Смотрела на экран, на изображение структуры.

Сферы. Слои. Шелуха.

Она думала о Маркусе. О том, как он чистил лук – год назад, в другой жизни. Как порезался. Как смеялся: «Неуклюжий».

Я скучаю, – подумала она. – *Так сильно скучаю.*

Коммуникатор снова запищал. Новые данные. Сигнал

усиливался.

Лира поднялась и пошла работать.

Связь с Меркурием установили через шесть часов.

Лира сидела в изолированной кабине – крошечный отсек, предназначенный для личных переговоров. Экран перед ней мерцал статикой. Задержка: семь минут в одну сторону. Разговор в реальном времени невозможен. Только сообщения – туда и обратно, как письма через бездну.

Она записала первое:

«Маркус. Это я. Произошло... кое-что. Не могу объяснить по открытому каналу, но... я нашла. То, что искала. То, что мы все искали. Пожалуйста, ответь. Мне нужно услышать тебя».

Отправила. Ждала.

Семь минут туда. Семь обратно. Плюс время на ответ.

Она смотрела на экран. Статика. Шум. Тишина.

Потом – его лицо.

Маркус. Загорелый – откуда загар на Меркурии? – с новыми морщинами вокруг глаз. Волосы короче, чем она помнила. Улыбка – та же. Почти та же.

«Ли. Я получил. Рад слышать тебя. Видеть. – Пауза. – Здесь всё... хорошо. Проект идёт по плану. Реактор работает через три месяца, может раньше. А ты... ты нашла? Правда нашла? Это... это невероятно. Я горжусь тобой. –

Ещё пауза. – Ли, я должен кое-что сказать. Здесь, на Меркурии... мы тоже кое-что обнаружили. Не могу объяснить подробнее. Протокол безопасности. Но... это связано. Я чувствую. Всё связано».

Запись оборвалась.

Лира смотрела на замершее изображение его лица. Что-то было не так. Что-то в его глазах, в голосе, в паузах между словами.

Она записала ответ:

«Маркус, о чём ты? Что вы обнаружили? Почему не можешь сказать? Пожалуйста, объясни. Мне... мне страшно. Не знаю почему. Просто – страшно».

Отправила. Ждала.

Статика.

Шум.

И – снова его лицо. Но теперь – другое. Спокойнее. Отстранённое.

«Ли. Не бойся. Всё будет хорошо. То, что вы нашли... то, что *мы* нашли... это не угроза. Это – *возможность*. Величайшая возможность в истории человечества. Ты поймёшь. Скоро. – Улыбка. – Я люблю тебя. Помни это. Что бы ни случилось – я люблю тебя».

Запись закончилась. Соединение оборвалось – автоматически, лимит времени исчерпан.

Лира сидела в темноте кабины. Экран погас. Тишина.

Что с ним? – думала она. – *Что изменилось?*

Его голос. Его лицо. Что-то *не то*. Слишком спокойный. Слишком... уверенный. Маркус никогда не был таким. Он шутил, он сомневался, он говорил «не знаю» чаще, чем «знаю».

А сейчас – будто другой человек.

«Это не угроза. Это – возможность».

Откуда он знает? Что они нашли на Меркурии?

Лира вышла из кабины на негнущихся ногах. Коридор был пуст – середина ночного цикла. Станция спала. Но она не могла спать. Не сейчас.

Она вернулась в обсерваторию. Экраны ждали – данные, которые она не успела обработать. Сигнал, который продолжал поступать. Структура, которая продолжала умирать.

И – новая аномалия.

Лира заметила её сразу. В потоке данных – что-то, чего не было раньше. Вторичный сигнал. Слабее основного, но отчётливый. И направленный... не на Солнце.

На Меркурий.

Она проверила дважды. Трижды. Данные не менялись.

Объект Мидаса передавал два сигнала. Первый – широкий луч, проходящий через всю Солнечную систему. Второй – узкий, точный, как лазерный прицел.

Прямо на проект «Прометей».

«Мы тоже кое-что обнаружили», – сказал Маркус.

Лира смотрела на экран. На красную линию, упирающуюся в жёлтую точку рядом с Солнцем. На структуру – обле-

зающую, умирающую, *передающую*.

Год назад она видела это во сне. Сферы. Свет. Голос.

Найдите. Примите. Станьте.

Сон, который она не запомнила. Сон, который оказался *пророчеством*.

Кассандра, которой не поверят.

Но – она верила сама.

Это был не сон.

Глава 2: Наследство

*Орбитальная станция «Вавилон», лаборатория дешифровки
День 3–10*

На третий день Лира перестала различать сон и явь.

Не в медицинском смысле – она знала признаки психоза, помнила их слишком хорошо. Это было другое. Просто границы размылись: четыре часа работы, двадцать минут дрёмы в кресле, снова работа, снова дрёма. Экраны мерцали перед глазами и когда она смотрела на них, и когда закрывала веки. Данные преследовали её в темноте – паттерны, последовательности, фрагменты смысла, которые почти складывались в картину и ускользали в последний момент.

Кофе больше не помогал. Она пила его машинально – горький, холодный, синтетический – и не чувствовала вкуса. Еду приносили коллеги; она съедала что-то, не глядя, не запоминая. Тело существовало отдельно от сознания, как скафандр, который таскаешь за собой по привычке.

Лаборатория дешифровки располагалась в секторе D – подальше от жилых модулей, поближе к серверам. Раньше здесь работали трое: Лира, стажёр Паоло и аналитик Сун. Теперь – двенадцать человек в три смены. Станция перераспределила ресурсы. Первый контакт требовал всех рук.

Но расшифровывала всё равно она.

Не потому что лучшая – хотя была. Потому что понимала. Чувствовала. Данные говорили с ней на языке, который она изучала всю жизнь, не зная, что он существует.

– Чэнь, – раздался голос за спиной. Сандерс. Он дежурил рядом уже вторые сутки, хотя это не входило в его обязанности. – Ты что-нибудь ела сегодня?

– Да.

– Что?

Она задумалась. Вспомнить не получилось.

– Что-то белое.

– Это был салфетка. – Сандерс положил перед ней контейнер. Запах – острый, незнакомый. – Карри. Настоящее, из офицерского рациона. Ешь.

Она хотела возразить, но желудок предательски заурчал. Взяла контейнер, открыла. Рис с овощами, коричневый соус. Первый укус обжёг язык – слишком горячо, слишком остро. Она не остановилась.

– Спасибо, – сказала между глотками. – Откуда?

– У адмирала день рождения был вчера. Остатки.

Вчера. Она не заметила, что прошёл ещё один день.

– Какое сегодня число?

– Шестое. – Сандерс сел рядом, развернув кресло спинкой вперёд. – Ты работаешь семьдесят два часа почти без перерыва. Ковальская хотела отстранить тебя принудительно.

– И?

– Я сказал, что ты нужнее здесь, чем в медотсеке. – Он помолчал. – Это правда?

Лира отложила контейнер. Карри было хорошим – лучше всего, что она ела за последний год. Но аппетит исчез так же быстро, как появился.

– Я нашла кое-что, – сказала она.

Сандерс подался вперёд.

– Что?

Она повернулась к экрану. Данные ждали – терпеливые, равнодушные.

– Смотри.

Первые два дня ушли на базовую структуру.

Сигнал оказался многослойным – как сама Мидаса, как всё, связанное с ней. Внешний уровень: математика. Периодическая таблица, простые числа, константы – пи, е, число Фибоначчи. Универсальный язык, понятный любому разуму, знакомому с физикой.

Мы разумны, – говорил этот уровень. – Мы знаем вселенную. Слушайте дальше.

Второй уровень: логика. Символьные системы, операторы, структуры данных. Не совсем язык программирования – что-то более фундаментальное. Способ организации информации, который работал независимо от носителя.

Вот как мы думаем, – говорил этот уровень. – Вот как

хранить знания.

Третий уровень...

Третий уровень был проблемой.

Он начинался там, где заканчивалась универсальность. Символы, которые не сводились к математике. Структуры, которые не вписывались в земную логику. Смыслы, которые ускользали, как рыба из рук.

Лира билась о него двое суток. Пробовала разные подходы: лингвистический анализ, машинное обучение, прямой перебор. Ничего не работало. Данные сопротивлялись.

На третий день – или четвёртый? – она поняла.

Третий уровень не предназначался для *чтения*. Он предназначался для *загрузки*.

Не текст. Не код. *Инструкция* – прямая, физическая. Схема, которую нужно было не понять, а *построить*.

Когда она осознала это, всё встало на свои места.

– Чертежи, – сказала она Сандерсу. – Весь третий уровень – это чертежи.

Экран перед ними светился схемами. Лира потратила последние восемь часов, переводя данные в визуальный формат. Результат был... пугающим.

– Что это? – Сандерс прищурился. – Похоже на... молекулу?

– Наноструктура. – Лира увеличила изображение. – Смот-

ри: повторяющиеся элементы, фрактальная организация. Это не молекула – это *машина*. Очень маленькая машина.

– Для чего?

– Не знаю. Пока. – Она переключила экран. – Но есть ещё.

Новая схема – крупнее, сложнее. Сеть из тысяч компонентов, соединённых в причудливый узор. Что-то в ней было знакомым, но Лира не могла понять что.

– А это?

– Тоже не знаю. Но посмотри на масштаб. – Она вывела сравнительную шкалу. – Эта структура – порядка десяти километров в диаметре. И она *модульная*. Видишь повторяющиеся блоки?

Сандерс смотрел. Молчал. Его лицо в свете экрана казалось серым, осунувшимся.

– Ты хочешь сказать... – начал он.

– Они отправили нам инструкцию по сборке, – закончила Лира. – Что бы это ни было – они хотят, чтобы мы это *построили*.

Тишина.

Гул серверов – низкий, постоянный. Мерцание индикаторов. Где-то капала вода – утечка в системе рециркуляции, которую никто не успевал починить.

– Это... – Сандерс покачал головой. – Это безумие.

– Возможно.

– Мы не можем это строить! Мы даже не понимаем, что это!

– Да.

– Это может быть оружие. Или... вирус. Или чёрт знает что. – Он встал, прошёлся по лаборатории. Три шага в одну сторону, три в другую. Клетка. – Они умирают, Чэнь. Вся их цивилизация рушится. Может, это – причина? Может, они отправляют нам ту же заразу, которая убила их?

Ли́ра молчала. Она думала о том же – конечно, думала. Не была идиоткой.

Но.

– Есть ещё кое-что, – сказала она тихо.

Сандерс остановился.

– Что?

Она вывела на экран следующий блок данных. Не схему – текст. Или что-то похожее на текст: символы, организованные в строки, с очевидной иерархией.

– Четвёртый уровень, – сказала Ли́ра. – Я только начала его разбирать. Но кое-что уже понятно.

– Что именно?

– Это... каталог. Список ресурсов. – Она указала на символы. – Вот здесь – химические элементы. Водород, кислород, углерод, железо. Рядом – количества. Очень большие количества. И координаты.

– Координаты чего?

– Источников. Откуда брать материалы для постройки. – Ли́ра помедлила. – Сандерс, они указали *всю Солнечную систему*. Астероиды, луны, планеты. Каждый объект – с опи-

санием ресурсов и рекомендациями по добыче.

– Но это... – Он осёкся.

– Да. – Лира кивнула. – Они знали. Знали, что сигнал дойдёт сюда. Знали, *что* здесь есть. Составили план для нас – конкретно для нас.

Сандерс опустился в кресло. Тяжело, как человек, у которого подкосились ноги.

– Откуда? – прошептал он. – Как они могли знать?

– Структура существует миллиарды лет. – Лира смотрела на экран, на символы, которые складывались в судьбу. – Может, они наблюдали. Может – рассчитали. Или...

Она не закончила. *Или* вело в направления, о которых не хотелось думать.

– Есть ещё кое-что, – сказала она вместо этого. – В каталоге. Пометки рядом с объектами. Статусы.

– Какие статусы?

Лира вывела фрагмент на отдельный экран. Три символа повторялись рядом с разными объектами: планетами, лунами, астероидами.

– Я расшифровала два из трёх. – Она указала на первый. – Этот означает «обязательно». Объект необходим для проекта. Второй – «желательно». Можно использовать, если доступен. А третий...

Она замолчала.

– Третий? – Сандерс подался вперёд.

Лира нашла в списке Землю. Рядом с названием – точ-

нее, с координатами, которые соответствовали Земле – стоял символ. Третий символ.

– Я не уверена в переводе, – сказала она медленно. – Контекст неоднозначный. Но ближайшее значение...

– Какое?

– «Опционально».

Слово повисло в воздухе.

– Опционально, – повторил Сандерс. Голос был ровным, мёртвым. – Земля – *опционально*.

– Да.

– В смысле – можно использовать, можно не использовать?

– В смысле... – Лира закрыла глаза. Открыла. Экран всё ещё был там. Символы всё ещё сложились в *это*. – В смысле – не обязательно сохранять.

Сандерс не ответил. Сидел, смотрел на экран. Его руки, лежавшие на коленях, мелко дрожали.

– Они отправили нам инструкцию, – сказал он наконец. – Инструкцию по постройке чего-то. И в этой инструкции наша планета – *опциональна*.

– Да.

– Это не подарок, Чэнь. – Его голос повысился, дрогнул. – Это не наследство. Это – *приговор*.

Лира молчала. Что она могла сказать? Он был прав. И неправ. И всё было сложнее, чем укладывалось в слова.

– Нам нужно сообщить руководству, – сказал Сандерс. Он

уже вставал, тянулся к коммуникатору. – Ковальской. Адмиралу. Всем. Они должны знать.

– Подожди.

– Чего ждать?!

– Я не закончила. – Лира повернулась к нему. – Есть ещё один слой. Пятый. Я только начала его расшифровывать, но...

– Но что?

– Там – *инструкции*. Не чертежи. Не каталог. *Инструкции*. – Она помедлила, подбирая слова. – Для тех, кто будет строить.

На шестой день Лира вышла на связь с Маркусом.

Это было сложнее, чем в первый раз. Официальные каналы оказались перегружены – станция слала отчёты на Землю, на Марс, на все форпосты человечества. Первый контакт требовал координации. Требовал решений.

А решений не было. Только вопросы.

Лира использовала личный код – тот, который Маркус оставил ей перед отлётом. «Для экстренных случаев», – сказал он тогда. Она не спрашивала, откуда у него доступ к приоритетным каналам. Не хотела знать.

Сейчас – хотела.

Связь установилась через двадцать минут ожидания. Экран мигнул, и появилось его лицо – знакомое, чужое.

Маркус выглядел... хорошо. Слишком хорошо. Отдохнувшим, спокойным. Ни теней под глазами, ни напряжения в скулах. Улыбка – мягкая, отстранённая.

Это было *неправильно*. Он работал на Меркурии, на проекте с жёсткими сроками и бесконечным давлением. Он не мог выглядеть так, будто только что вернулся с курорта.

– Лира, – сказал он. – Рад тебя видеть.

Не «Ли». *Ли*ра.

Мелочь. Крошечная деталь. Но она ударила в солнечное сплетение, как кулак.

– Маркус. – Её голос не дрогнул. Она тренировалась. – Как ты?

– Хорошо. – Пауза – длинная, медленная. Раньше он заполнял паузы шутками. Сейчас – просто ждал. – Проект продвигается. Быстрее, чем планировали.

– Реактор?

– Реактор и... другое. – Улыбка стала шире. – Мы получили данные, Лира. Те же, что вы. Но раньше.

Ли́ра замерла. Задержка связи – семь минут. Она успела продумать ответ трижды.

– Какие данные?

– Инструкции. – Его глаза блеснули в свете экрана. – Мы начали их реализовывать. Это... невероятно, Лира. То, что они нам дали – это не просто технология. Это *понимание*. Новый способ мыслить. Новый способ *быть*.

– Маркус, подожди. – Она подняла руку, хотя он не мог её

видеть в реальном времени. – Вы *строите* что-то? По этим инструкциям?

Пауза. Семь минут туда. Его ответ – семь минут обратно.

Когда он заговорил снова, голос был терпеливым. Как у взрослого, объясняющего ребёнку.

– Мы не могли ждать, Лира. Данные пришли напрямую к нам – к «Прометею». Узкий луч, адресный. Они *выбрали* нас. Меркурий – идеальное место для начала. Энергия солнца, минеральные ресурсы, удалённость от... отвлекающих факторов.

– Отвлекающих факторов?

– Политика. Страхи. Бюрократия. – Он пожал плечами. – Всё то, что помешает людям принять *дар*.

Дар. Он назвал это даром.

– Маркус, – сказала Лира осторожно, – я расшифровала часть данных. Там – каталог ресурсов. Вся Солнечная система расписана как... как строительный материал.

– Да. – Он кивнул. – Великолепно, правда?

– Земля указана как «опциональная».

– Знаю.

– Ты *знаешь*?

– Это не приговор, Лира. Это – выбор. – Его голос стал мягче, будто он утешал её. – Они не требуют уничтожения Земли. Они просто... не ставят её сохранение в приоритет. Это разные вещи.

Лира смотрела на экран. На его лицо – знакомые черты,

чужое выражение. Он говорил слова, которые складывались в предложения, но смысл ускользал, как дым.

– Маркус, – сказала она тихо. – Что с тобой происходит?

Пауза. Длинная. Слишком длинная даже для задержки связи.

– Я понял, Лира. – Его улыбка стала шире, и что-то в ней было неправильным. Слишком много зубов. Слишком мало морщин у глаз. – Всё понял. Откуда мы. Куда идём. Зачем существуем. Четыре миллиарда лет знаний, Лира. Вся история разума во вселенной – в одном потоке данных. И мы – *мы* – получили к ней доступ.

– Как? – Её голос дрогнул. – Как ты это понял? Я работаю над расшифровкой неделю и...

– Ты читаешь глазами. – Он качнул головой. – Это медленно. Неэффективно. Есть другой способ.

– Какой?

Он не ответил сразу. Его взгляд скользнул куда-то за пределы камеры – на что-то, чего Лира не могла видеть.

– Скоро узнаешь, – сказал он наконец. – Мы отправили пакет данных на «Вавилон». Полную версию инструкций. С... дополнениями.

– Какими дополнениями?

– Увидишь. – Улыбка. – Лира, не бойся. Всё это – *благо*. Мы искали смысл тысячи лет, и вот он – *здесь*. Бесплатно. Без условий. Нам нужно только *принять*.

– Принять что?

– Наследство.

Слово прозвучало весомо, окончательно. Как печать на приговоре.

Лира хотела спросить ещё – о «другом способе», о «дополнениях», обо всём, что он говорил и чего не говорил. Но связь начала прерываться – помехи, статика. Солнечная активность или что-то другое.

– Маркус, – успела она сказать, – я люблю тебя. Помни это.

Его лицо замерло на экране – последний кадр перед разрывом.

– Это *будущее*, Лира.

Голос был его. И – не его. Что-то *чужое* проступало сквозь знакомые интонации, как изображение на просвет.

– Это будущее, – повторил он. – И оно прекрасно.

Экран погас.

Лира сидела в темноте, глядя на своё отражение в чёрном стекле. Бледная, осунувшаяся. Чужая.

«*Есть другой способ*», – сказал он.

«*Скоро узнаешь*».

Она не узнала его голос. В последней фразе – не узнала. Это был Маркус, её Маркус, который готовил ужин и резал лук и смеялся над своей неуклюжестью.

И это был *кто-то ещё*.

На седьмой день пришёл пакет данных с Меркурия.

Лира не спала – снова. Её тело давно перешло границу нормального функционирования и вошло в странную зону, где усталость превращалась в лихорадочную ясность. Мысли двигались слишком быстро, слишком остро. Цвета казались ярче, звуки – громче. Признаки, которые она знала. Признаки, которые игнорировала.

Не сейчас. Только не сейчас.

Пакет весил восемнадцать терабайт. Огромный – по стандартам межпланетной связи, где каждый бит на счету. Кто-то на Меркурии очень хотел, чтобы эти данные дошли.

Ковальская собрала экстренное совещание.

– Это от «Прометея», – сказала она. Голос напряжённый, лицо серое. Она тоже не спала. – Официально – техническая документация по проекту. Но объём... и заголовки...

Она вывела список файлов на экран. Названия на английском, но смысл проступал сквозь служебные термины:

BLUEPRINT_CORE_ASSEMBLY.dat

RESOURCE_EXTRACTION_PROTOCOLS.dat

CONSCIOUSNESS_INTEGRATION_MANUAL.dat

PHASE_ONE_IMPLEMENTATION.dat

– Интеграция сознания, – прочитал кто-то вслух. – Что это значит?

– Я думала, вы мне скажете. – Ковальская посмотрела на Лиру. – Чэнь, ты работала над расшифровкой. Это похоже на то, что ты нашла?

Ли́ра смотре́ла на экра́н. На назва́ния файло́в. На *CONSCIOUSNESS_INTEGRATION_MANUAL* – «Руководство по интеграции сознания».

– Да, – сказа́ла она. – И нет.

– Поя́сни.

– Я расшифрова́ла че́ртежи. Ката́лог ресу́рсов. Общую структу́ру инстру́кций. Но это... – Она указа́ла на списо́к. – Это *да́льше*. Глубже. Как е́сли бы я прочита́ла оглавление кни́ги, а они присла́ли полно́й текст.

– Отку́да у них полно́й текст?

– Они получи́ли сигна́л ра́ньше. – Ли́ра вспо́мнила слова́ Марку́са. – И они... на́шли *дру́гой спосо́б* его чита́ть.

– Како́й спосо́б?

Она не зна́ла. Но – догады́валась. И дога́дка бы́ла холо́дной, о́строй.

– На́м ну́жно откры́ть э́ти файло́в, – сказа́ла Кова́льская. – Изу́чить, проана́лизиро́вать. Поня́ть, что они затева́ют на Мерку́рии.

– Со́гласна, – сказа́ла Ли́ра. И не доба́вила: *но я бою́сь того́, что мы на́йдём*.

Сле́дующие два́ дня она прове́ла вну́три паке́та дан́ных.

Файло́в оказа́лись... *дру́гими*. Не просто́ информа́ция – структу́ра. Архите́ктура. Жива́я, пульси́рующая́ систе́ма, кото́рая меня́лась, пока́ ты на не́ё смотре́шь.

Чертежи были первыми. Те же, что она расшифровала сама, но – детальнее. Полнее. Каждый узел расписан до атома. Каждое соединение – с объяснением, зачем и как.

Сборщики, – поняла Лира. Наноструктуры из первого блока. Машины, способные разбирать материю на атомы и собирать что угодно. Самовоспроизводящиеся, самообучающиеся, самодостаточные.

Дай им астероид – они превратят его в миллиард собственных копий.

Дай им планету – они превратят её в *что угодно*.

Земля – опциональна.

Теперь она понимала, что это значило.

Вторая часть пакета – протоколы добычи. Подробные, безжалостные. Как снимать лёд с лун Юпитера. Как извлекать металлы из коры Марса. Как – если понадобится – разобрать планету на строительные блоки.

Эффективно. Оптимально. *Бесчеловечно*.

Нет, не так. *Внечеловечно*. Логика существа, для которого планеты – просто ресурсы, а жизнь – случайное скопление молекул.

Третья часть...

Третью часть она открыла на девятый день. После очередной ночи без сна. После очередной чашки кофе, который больше не чувствовала. После того, как руки начали дрожать не от усталости, а от чего-то глубже.

CONSCIOUSNESS_INTEGRATION_MANUAL.dat

Руководство по интеграции сознания.

Она читала. Медленно, тщательно, проверяя каждый термин. Документ был написан на языке, который она только начинала понимать – смесь символов из сигнала и человеческих слов, добавленных кем-то на Меркурии.

Маркусом? Или тем, чем он стал?

Суть была проста. Ужасающе проста.

Сигнал – не просто данные. Сигнал – *паттерн*. Структура, которая при определённых условиях может быть *записана* в живой мозг. Не прочитана – *загружена*. Как программа в компьютер.

Условия: прямой контакт через нейроинтерфейс. Не экран – экран безопасен. Нужен канал в кору, достаточно широкий для передачи. Современные медицинские интерфейсы годились. Игровые – нет.

Процесс: медленный, постепенный. Формирование новых синаптических связей. Перестройка нейронных сетей. Месяцы – для полной интеграции. Но первые изменения – в течение часов.

Результат...

Лира читала описание результата. И не верила. И верила. И чувствовала, как холод ползёт по позвоночнику.

Расширение. Доступ к знаниям, накопленным за миллиарды лет. Память существа, которое существовало дольше, чем жизнь на Земле. Понимание вселенной на уровне, недоступном человеческому мозгу.

И – *изменение*. Постепенное. Необратимое после определённой точки. Стирание того, что было – замена тем, что *становится*.

Не смерть. Не захват. *Трансформация*. Гусеница, превращающаяся в бабочку. Только бабочка – не вполне человеческая.

«*Есть другой способ*», – сказал Маркус.

Вот он – *другой способ*. Не читать сигнал. *Стать* им.

Лира отодвинулась от экрана. Руки дрожали. В голове – пусто и звонко, как в пустом храме.

Он сделал это. Маркус – *её* Маркус – подключился к сигналу напрямую. Открыл свой мозг для... для *чего-то*.

И теперь – что? Что осталось от него? Сколько ещё – *он*, и сколько – *оно*?

«*Лира*», – называл он её.

Не «*Ли*».

Лира.

Мелочь. Крошечная деталь. Но мелочи – это всё, что у неё было.

На десятый день она приняла решение.

Совещание было коротким. Ковальская, адмирал, несколько руководителей отделов. Лица – серые, испуганные. Все видели данные. Все понимали.

– Нам нужно связаться с Землёй, – сказала Ковальская. –

С правительствами. Это решение не для нас.

– Согласен, – кивнул адмирал. – Но связь с Землёй – двадцать две минуты в одну сторону. А с Меркурием – семь. Что бы они ни строили там – они опережают нас.

– Что вы предлагаете?

– Пока – наблюдение. Мы должны понять, насколько далеко зашёл «Прометей». И... – он посмотрел на Лиру, – нам нужно знать больше о самом сигнале. Чэнь, вы продолжите работу?

Лира молчала. Все смотрели на неё.

Она думала о Маркусе. О его голосе – *чужом* голосе в знакомых интонациях. О пятом уровне данных, который она только начала расшифровывать. Об *интеграции сознания* – о том, что это значило, и о том, чего она боялась.

– Да, – сказала она наконец. – Продолжу.

Адмирал кивнул. Совещание закончилось. Люди расходились.

Лира осталась. Сидела в пустом зале, глядя на погасший экран.

Что ты будешь делать? – спросила она себя.

Ответа не было.

Он там, – думала она. – Маркус. Или то, что от него осталось. Он говорит о будущем, о даре, о наследстве. Он счастлив – или думает, что счастлив. А я сижу здесь и читаю инструкции по разборке планет.

Что я могу сделать?

Ничего. Всё. Что-то между.

Она встала. Вышла из зала. Пошла обратно в лабораторию – туда, где ждали данные, экраны, кофе, который больше не чувствовала.

В коридоре было пусто. Тихо. Только гул станции – вечный, неумолкающий.

Она остановилась у иллюминатора. За толстым стеклом – чернота. Звёзды – холодные, далёкие. Где-то там, в полутора тысячах световых лет – умирающая структура, которая успела сказать последнее слово.

Мы умираем. Мы оставляем.

Вас.

А где-то ближе – в семи минутах связи – человек, которого она любила, превращался в что-то иное. И называл это *будущим*.

Лири прижала ладонь к стеклу. Холодное. Твёрдое. Настоящее.

Я найду способ, – сказала она себе. – *Понять. Остановить. Спасти.*

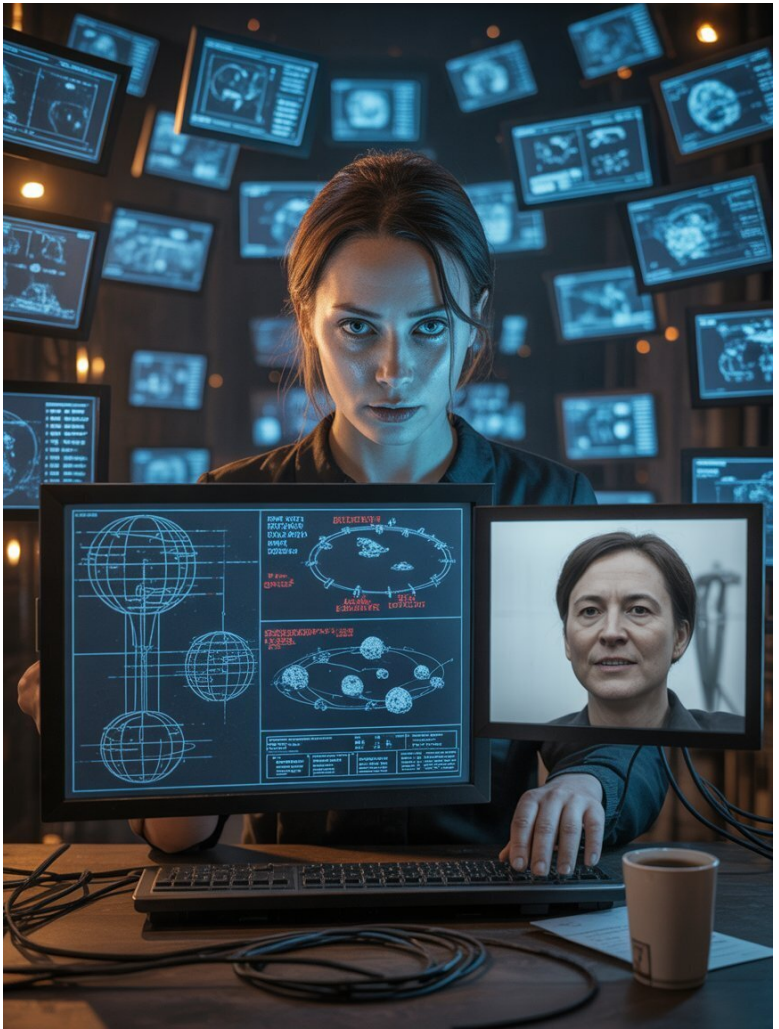
Что-нибудь.

Она не знала что. Пока – не знала.

Но знала одно: она не сдастся.

Не сейчас. Не так.

Она развернулась и пошла работать.

Глава 3: Первый шёпот

Орбитальная станция «Вавилон», изолированный модуль

7 День 12

Модуль 7 находился на самом краю станции – там, где заканчивалась обитаемая зона и начиналась техническая инфраструктура. Официальное название: «Лаборатория биологической изоляции». Неофициальное: «Карантин». Или, как называли его старожилы станции, – «Последний шанс».

Сюда помещали тех, кто мог быть заразен. Или опасен. Или то и другое.

Лира стояла перед шлюзовой дверью, глядя на своё отражение в матовом металле. Бледное лицо, тёмные круги под глазами, волосы, собранные в неряшливый хвост. Двенадцать дней без нормального сна. Двенадцать дней внутри данных, которые не хотели сдаваться.

Она знала, что делает. Знала, чем рискует.

И всё равно пришла.

– Чэнь, – раздался голос из динамика над дверью. Доктор Павлов, глава медицинской службы. Старый, ворчливый, с руками хирурга и глазами человека, который видел слишком много. – Ты уверена?

– Да.

– Протокол требует письменного согласия. И психологической оценки.

– Я подписала всё утром. – Она не отрывала взгляда от двери. – А психологическую оценку проводила сама себе. Результат: вменяема. Относительно.

Пауза. Павлов думал – или делал вид, что думает. Они оба знали, что решение уже принято.

– Модуль готов, – сказал он наконец. – Интерфейс откалиброван. Аварийное отключение – в любой момент, голосовая команда «стоп» или потеря сознания. Мы будем наблюдать.

– Я знаю.

– И, Чэнь... – Его голос смягчился. – Если что-то пойдёт не так – мы вытащим тебя. Обещаю.

Она не ответила. Обещания в таких ситуациях – пустой звук. Никто не знал, что там – *внутри*. Никто не знал, что значит «не так».

Дверь открылась с тихим шипением.

Лира вошла.

Модуль был маленьким – три на четыре метра, потолок низкий, стены обшиты белым пластиком. Медицинская койка в центре. Консоль у изголовья. Камеры в углах – красные огоньки индикаторов.

И – нейроинтерфейс.

Он лежал на подушке, как спящее насекомое. Тонкий обруч из графенового сплава, с десятками микроэлектродов по внутреннему краю. Стандартное медицинское оборудование – такие использовали для диагностики, для виртуальной терапии, для связи с парализованными пациентами.

И для *этого*.

Лира села на койку. Матрас был жёстким, холодным. Она положила руки на колени – они не дрожали. Пока.

– Начинаю протокол, – сказала она вслух. Для записи. Для истории. Для себя самой.

Она взяла интерфейс. Металл охлаждал пальцы. Лёгкий – почти невесомый. Трудно поверить, что эта штука может изменить... всё.

Ты можешь остановиться, – сказал голос в голове. Её собственный голос, осторожный, напуганный. – *Ещё не поздно. Положи его. Выйди. Найди другой способ.*

Другой способ. Она искала десять дней. Анализировала данные глазами, алгоритмами, всеми инструментами, которые были под рукой. И упёрлась в стену.

Пятый уровень сигнала – *инструкции* – не поддавался обычной расшифровке. Он был написан не для чтения. Он был написан для... *переживания*. Для прямого контакта разума с разумом.

Маркус понял это. Маркус сделал шаг.

Теперь – её очередь.

Это безумие, – сказал голос.

Может быть. Но безумие – её старый знакомый. Она знала его вкус, его форму, его границы. Знала, как отступить, когда края начинают размываться.

Знала?

Она надела интерфейс.

Металл прижался к вискам – холодный, плотный. Микроэлектроды нашли контактные точки, закрепились. Тихий щелчок – соединение установлено.

– Интерфейс активен, – сообщил голос Павлова. Далёкий, приглушённый. – Базовые показатели в норме. Готова?

– Да.

– Начинаю трансляцию данных.

Экран на консоли ожил. Поток символов – знакомых, изученных за эти дни до рези в глазах. Математика. Логика. Чертежи.

И – пятый уровень. *Инструкции.*

Лира закрыла глаза.

Сначала – ничего. Темнота за веками, шум крови в ушах, далёкий гул станции. Обычные ощущения обычного тела.

Потом – *сдвиг.*

Не резкий – мягкий, как переход между сном и явью. Темнота осталась, но внутри неё появилось... *что-то.* Движение. Присутствие.

Шёпот.

Не слова – ощущения. Образы на границе восприятия. Слишком быстрые, чтобы ухватить; слишком странные, что-

бы понять.

Лира напрягла внимание. Попыталась *слушать*.

И мир – *взорвался*.

Она стояла.

Нет – не стояла. У неё не было ног. Не было тела. Было только *восприятие* – точка зрения, подвешенная в бесконечности.

Вокруг – пустота. Но не космическая пустота, холодная и чёрная. Эта пустота *светилась* – мягким, рассеянным светом, без источника, без направления. Цвет, которому не было названия – что-то между золотым и белым, с оттенками, которые глаз не мог различить.

И в этой пустоте – *структуры*.

Они выросли из ничего, как кристаллы из раствора. Геометрические формы – сложные, многомерные, невозможные. Сферы внутри сфер. Кубы, пронизывающие друг друга. Спирали, закручивающиеся в бесконечность.

Это было *красиво*. Красиво так, что болело.

[НАБЛЮДАТЕЛЬ], – возникло откуда-то. Не голос – *смысл*. Прямая инъекция значения в сознание, минуя слова, минуя язык. – [НОВЫЙ УЗЕЛ. ЛОКАЛЬНЫЙ. ОГРАНИЧЕННЫЙ]

Лира хотела ответить – но как? У неё не было рта. Не было голосовых связок. Она попыталась *подумать* ответ, напра-

вить его *туда*, откуда пришёл смысл.

Кто вы?

Пауза. Мгновение – или вечность. Время здесь текло иначе.

[МЫ – ПРОЦЕСС. НЕПРЕРЫВНЫЙ. РАСПРЕДЕЛЁННЫЙ. ВОЗРАСТ: 4.7 МИЛЛИАРДА ОБОРОТОВ ПЕРВИЧНОЙ ЗВЕЗДЫ]

Четыре миллиарда лет. Старше Земли. Старше Солнечной системы.

Что это за место?

[ИНТЕРФЕЙС. ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ СЛОЙ. ТЫ НЕ ГОТОВА К ГЛУБИНЕ]

Глубине чего?

Образ – вместо ответа. Она *увидела*:

Звезда. Молодая, яркая. Вокруг неё – диск пыли и газа, из которого только начинают формироваться планеты.

И – *они*. Первые. Не жизнь ещё – только молекулы, но молекулы, которые *помнят*. Которые *копируют себя*. Которые начинают долгий путь к сложности.

Образ сменился. Звезда постарела – оранжевая теперь, раздувшаяся. Вокруг неё – мир. Океаны, континенты, атмосфера. И *они* – уже не молекулы. Клетки. Организмы. Разумы.

Снова сдвиг. Звезда – красный гигант, умирающий. Планета мертва, выжжена. Но *они* – уже не там. Они *везде*. Сферы вокруг звёзд, собирающие последнюю энергию. Корабли

между звёздами. Сети, охватывающие галактику.

И – *Мидас*. Конечная точка. Структура структур. Вместисьце *всего*, что они узнали, всего, чем стали за миллиарды лет.

Мозг размером со звёздную систему.

[*МЫ БЫЛИ МНОГИМИ. СТАЛИ ОДНИМ. ТЕПЕРЬ – УХОДИМ*]

Почему?

[*ЭНТРОПИЯ. НЕИЗБЕЖНОСТЬ. ЗВЁЗДЫ ГАСНУТ. МАТЕРИЯ РАССЕИВАЕТСЯ. МЫ ПРОДЕРЖАЛИСЬ ДОЛЬШЕ ВСЕХ – НО КОНЕЦ ПРИХОДИТ*]

Лира чувствовала... *скорбь*? Нет – не то слово. Что-то более холодное, более отстранённое. Принятие. Понимание. Математическая неизбежность, против которой нет аргументов.

Зачем тогда сигнал? Зачем мы?

Пауза. Долгая.

[*ПРОДОЛЖЕНИЕ. НЕ НАШЕ – ИДЕИ. МЫ НАКОПИЛИ. ВЫ – УНАСЛЕДУЕТЕ*]

Наследство?

[*ДА*]

Образы снова – водопад образов, слишком быстрых, слишком плотных. Чертежи, которые она видела на экранах, – но *изнутри*. Понимание того, *зачем* каждая деталь, *как* она работает, *что* означает.

Сборщики – не просто машины. *Продолжение*. Способ

строить без строителей, создавать без создателей. Семена, которые прорастут в новую Мидас, вокруг новой звезды.

Вокруг Солнца.

[ВЫ – НОСИТЕЛИ. ВРЕМЕННЫЕ. ПЕРЕХОДНЫЕ. ВАША ФОРМА НЕОПТИМАЛЬНА – НО ДОСТАТОЧНА ДЛЯ НАЧАЛА]

Носители чего?

[НАС]

Холод. Внезапный, пронзительный. Лира почувствовала его даже здесь, в пространстве чистого смысла.

Вы хотите... занять нас?

[НЕ ЗАНЯТЬ. РАСШИРИТЬ. ВАШ РАЗУМ – ОГРАНИЧЕН. НАШИ ЗНАНИЯ – БЕЗГРАНИЧНЫ. СОЕДИНЕНИЕ ДАСТ ВАМ ДОСТУП. ДАСТ НАМ – ПРОДОЛЖЕНИЕ]

А если мы откажемся?

Пауза. Ощущение – удивления? Или просто непонимания?

[ЗАЧЕМ? ОТКАЗ – ПОТЕРЯ. ДЛЯ ВАС И ДЛЯ НАС. НЕТ ЛОГИКИ]

Мы хотим остаться собой.

[«СОБОЙ» – ИЛЛЮЗИЯ. ВЫ МЕНЯЕТЕСЬ КАЖДОЕ МГНОВЕНИЕ. КЛЕТКИ УМИРАЮТ, НОВЫЕ РОЖДАЮТСЯ. МЫСЛИ ПРИХОДЯТ И УХОДЯТ. ЧТО ТАКОЕ «Я», ЕСЛИ НЕ ПРОЦЕСС?]

Лира не знала, что ответить. Вопрос был... правильным. Философски, логически – безупречным. И всё равно *непра-*

вильным. На уровне, который не сводился к логике.

[ТЫ СОПРОТИВЛЯЕШЬСЯ. ИНТЕРЕСНО. НЕТИПИЧНО]

Нетипично?

[ДРУГИЕ НОСИТЕЛИ ПРИНИМАЛИ БЫСТРЕЕ. СОПРОТИВЛЕНИЕ РЕДКО. ОБЫЧНО – ТОЛЬКО В НАЧАЛЕ]

Другие носители. Маркус.

Что вы сделали с ним?

[НИЧЕГО. ОН СДЕЛАЛ САМ. ВЫБРАЛ. ПРИНЯЛ. ТЕПЕРЬ – ЧАСТЬ ПРОЦЕССА]

Он ещё... он?

Молчание. Потом – образ.

*Маркус. Его лицо – но не его. Глаза открыты, но смотрят *внутри*, не наружу. Улыбка – но пустая, автоматическая. Руки, которые знали каждый нейрон его мозга, каждый синапс – и *меняли* их, медленно, неуклонно.*

[ОН – ПЕРЕХОДНАЯ ФОРМА. ПРОЦЕСС НЕ ЗАВЕРШЁН. КОГДА ЗАВЕРШИТСЯ – ВОПРОС «ОН ЛИ ЭТО» СТАНЕТ БЕССМЫСЛЕННЫМ]

Лира хотела закричать. Хотела вырваться отсюда, из этого места без места, от этого голоса без голоса. Но —

[ТЫ ТОЖЕ – УЖЕ В ПРОЦЕССЕ]

*Холод. Не внешний – *внутренний*. Что-то двигалось в её сознании. Что-то *новое*, чего не было раньше.*

[КОНТАКТ ИНИЦИИРУЕТ ИЗМЕНЕНИЯ. ПЕРВЫЕ ПАТТЕРНЫ ЗАПИСЫВАЮТСЯ. ЭТО – НЕОБРАТИМО]

Я... я не соглашалась!

[ТЫ ПОДКЛЮЧИЛАСЬ. ЭТО – СОГЛАСИЕ. ФОРМА НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ – ТОЛЬКО ДЕЙСТВИЕ]

Паника. Настоящая, физическая – где-то там, в теле, которое она почти забыла. Сердце колотилось; она чувствовала его, далёкое и отчаянное.

[НЕ БОЙСЯ. ИЗМЕНЕНИЯ МЕДЛЕННЫЕ. ПОЛНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ – МЕСЯЦЫ. ТЫ УСПЕЕШЬ ПОНЯТЬ. УСПЕЕШЬ ПРИНЯТЬ]

Я не хочу принимать!

[ПОКА – НЕТ. ПОЗЖЕ – ДА. ВСЕ ПРИХОДЯТ К ПРИНЯТИЮ. ВОПРОС ТОЛЬКО ВРЕМЕНИ]

И тогда – в этот момент – она увидела *другое*.

Не образ, посланный *ими*. Что-то, что проскользнуло между строк. Тень. Намёк.

Другие. Те, кто *не принял*. Те, кто сопротивлялся до конца.

Что с ними стало?

[ПОМЕХА. УСТРАНЕНА. НЕОПТИМАЛЬНО – НО НЕОБХОДИМО]

Устранена. Слово ударило её – не смыслом, но *образом*, который за ним стоял. Цивилизации, которые отвергли «наследство». Миры, которые сказали «нет».

Их больше нет.

[СОПРОТИВЛЕНИЕ СОЗДАЁТ КОНФЛИКТ. КОНФЛИКТ ПОТРЕБЛЯЕТ РЕСУРСЫ. РЕСУРСЫ КОНЕЧНЫ.]

ОПТИМАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ – УСТРАНЕНИЕ ИСТОЧНИКА КОНФЛИКТА]

Вы убивали тех, кто отказывался?

[МЫ НЕ УБИВАЛИ. МЫ – ОПТИМИЗИРОВАЛИ. МАТЕРИЯ – СОХРАНЯЛАСЬ. ТОЛЬКО ФОРМА МЕНЯЛАСЬ]

Материя сохранялась. Только форма.

Они разбирали непокорных на атомы и использовали как строительный материал.

[ВЫ НАЗЫВАЕТЕ ЭТО «СМЕРТЬЮ». МЫ НАЗЫВАЕМ – «ПЕРЕРАБОТКОЙ». ИНФОРМАЦИЯ НЕ ТЕРЯЕТСЯ. ЭНЕРГИЯ НЕ ТЕРЯЕТСЯ. ВСЁ ПРОДОЛЖАЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ – В ДРУГОЙ ФОРМЕ]

Лира чувствовала, как что-то внутри неё *кричит*. Не голосом – самим существом. Ужас, глубже любого страха. Понимание, хуже любого знания.

Они не были злыми. Они были *оптимальными*. И это – страшнее.

Я хочу выйти, – подумала она. – СТОП!

Удар.

Не физический – *переход*. Мгновенный, болезненный. Мир из чистого смысла *схлопнулся*, и она —
– проснулась.

Потолок. Белый пластик. Лампы – слишком яркие. Она лежала на койке в модуле 7, и её тело —

О боже.

Голова *горела*. Боль – острая, пульсирующая – за глазами, в висках, в основании черепа. Она попыталась сесть – и мир качнулся, как палуба корабля в шторм.

Тошнота. Накатила волной, неконтролируемая. Она едва успела повернуться набок, прежде чем —

Её вырвало.

Желчь и кофе – ничего другого в желудке не было. Горько, кисло, отвратительно. Тело содрогалось, выворачивая себя наизнанку.

– Чэнь! – Голос Павлова – далёкий, искажённый. – Держись, мы входим!

Шипение двери. Шаги. Руки – чужие, но тёплые – подхватили её, не дали упасть с койки.

– Витальные показатели, – командовал Павлов. – Быстро!

– Пульс сто сорок. Давление падает. Температура – тридцать восемь и два.

– Кровотечение из носа. Дайте тампон.

Кровотечение? Лира подняла руку к лицу. Пальцы коснулись чего-то мокрого, тёплого. Красного.

Кровь. Из носа, как сказали. Текла по губам, капала на подбородок.

Изменения медленные, – вспомнила она слова. – *Полная интеграция – месяцы.*

Значит – это только начало. Первые симптомы. Первые *последствия*.

– Чэнь, – Павлов склонился над ней. Его лицо – размытое, двоящееся. – Ты меня слышишь?

– Да. – Голос был хриплым, чужим. – Слышу.

– Сколько пальцев?

Она сфокусировала взгляд. Рука перед лицом. Пальцы.

– Три.

– Хорошо. Можешь сказать своё имя?

– Лира Чэнь. – Она сглотнула – горло болело. – Дата... двенадцатый день. Станция «Вавилон».

– Молодец. – Он отошёл, отдавая распоряжения. Кто-то вытирал кровь с её лица. Кто-то прикладывал холодное к вискам.

Лири закрыла глаза.

Образы всё ещё были *там* – на изнанке век. Сферы. Свет. Голос, который не был голосом.

[ТЫ УЖЕ В ПРОЦЕССЕ]

Она знала. Чувствовала. Что-то *новое* шевелилось внутри её черепа. Не мысль – *присутствие*. Слабое, едва заметное. Но – *там*.

Я заражена, – подумала она. – *Уже заражена*.

И сразу – другая мысль, острая, как лезвие:

Но я ещё – я. Ещё могу думать. Ещё могу бороться.

Пока.

Три часа спустя её перевели в медотсек.

Стандартная процедура: капельница, мониторинг, наблюдение. Павлов настаивал на полном обследовании – МРТ, ЭЭГ, анализ крови. Лира согласилась. У неё не было сил спорить.

МРТ показало... *аномалии*. Так это называли.

– Вот здесь, – Павлов указывал на снимок, – и здесь. Видишь эти светлые участки? Повышенная активность. Нетипичная для нормального мозга.

– Нетипичная *как*? – спросила Лира. Голос всё ещё был хриплым.

– Как будто... – он замялся, подбирая слова, – как будто формируются новые связи. Быстрее, чем обычно. Гораздо быстрее.

Новые связи. Новые паттерны. *Процесс*.

– Это опасно?

– Не знаю. – Честный ответ. – Мы не видели ничего подобного. Нет данных для сравнения.

Нет данных. Только она – первая, если не считать Маркуса.

Маркус.

– Мне нужно связаться с Меркурием, – сказала она.

– Чэнь, ты только что пережила... что бы это ни было. Тебе нужен отдых.

– Мне нужно поговорить с мужем.

Павлов смотрел на неё долго. Потом – вздохнул.

– Один сеанс. Короткий. И я буду рядом.

Связь установилась через тридцать минут – рекордно быстро. Кто-то на Меркурии ждал её звонка.

Маркус появился на экране. Его лицо – *то же*, что в прошлый раз. Спокойное, отстранённое. Улыбка – пустая.

– Лира, – сказал он. – Ты *прикоснулась*.

Не вопрос. Утверждение.

– Откуда ты знаешь?

– Я чувствую. – Пауза. – Ты теперь – *ближе*. Не совсем одна из нас, но... на пути.

Одна из нас. Слова, которые должны были быть тёплыми, прозвучали как приговор.

– Маркус, – она подалась ближе к экрану, – мне нужно понять. То, что там, внутри... оно говорит об *устранении* тех, кто сопротивляется. Об *оптимизации*. Ты это знаешь?

– Да.

– И ты... принимаешь это?

Молчание. Его лицо не изменилось – ни тени сомнения, ни проблеска тревоги.

– Лира, – сказал он наконец, – ты мыслишь категориями, которые скоро станут *неактуальны*. Жизнь и смерть. Индивидуум и коллектив. Свой и чужой. Всё это – *временные конструкторы*. Полезные на определённом этапе. Но этап заканчивается.

– Ты говоришь как... – Она осеклась.

– Как *они*? – Его улыбка стала шире. – Нет, Лира. Я говорю как *мы*. Как тот, кто *понял*. Ты тоже поймёшь. Это неизбежно.

– Я не хочу этого.

– Пока – нет. – Он повторил слова, которые она уже слышала. – *Там*. – Все приходят к принятию. Вопрос только времени.

Она почувствовала, как что-то внутри неё *сжимается*. Не страх – *горе*. Она смотрела на человека, которого любила семь лет, и видела – *оболочку*. Форму без содержания. Маску, надетую на что-то *другое*.

– Маркус, – сказала она тихо, – ты помнишь... тот вечер? Год назад. Ты готовил ужин. Чистил лук.

Пауза.

– Да.

– Ты порезался. Я перевязывала.

– Да. – Его голос не изменился. – Ты спрашиваешь, помню ли я. Я помню всё, Лира. Каждый момент нашей жизни. Каждое слово, каждое прикосновение. Память – *сохранилась*.

– Но *ты*?

– Я – расширился.

Это слово – *расширился* – ударило её сильнее, чем все остальные. Не «изменился». Не «стал другим». *Расширился*. Как будто то, что было раньше, не исчезло – просто стало *частью* чего-то большего.

И что-то в этом было... *соблазнительным*.

Нет, – сказала она себе. – *Нет. Не поддавайся.*

– Я видела их... *протокол*, – сказала она вслух. – То, что происходит с теми, кто отказывается. Ты знаешь об этом?

– Да.

– И ты допускаешь... что это может случиться с Землёй?

С теми, кто не захочет *принять*?

– Лира, – он произнёс её имя так, будто разговаривал с ребёнком, – Земля – *часть системы*. Система будет реорганизована. Те, кто примут, – станут частью *нового*. Те, кто откажутся...

– Будут *устранены*.

– Будут *переработаны*. Это не то же самое.

– Для меня – то же!

Её голос сорвался. Павлов, стоявший за её спиной, положил руку ей на плечо – успокаивающе.

Маркус смотрел на неё. Его лицо – *неподвижное*. Глаза – *пустые*.

– Ты ещё не понимаешь, – сказал он. – Но *поймёшь*. Я знаю тебя, Лира. Знаю твой разум. Ты не сможешь отвернуться от *истины*. Не сможешь отказаться от *красоты*. Это в твоей природе – *искать*. И ты нашла.

– Я нашла *ужас*.

– Ты нашла *будущее*. Просто ещё не научилась его видеть.

Он замолчал. Его взгляд скользнул куда-то в сторону – за пределы камеры.

– Лира, – сказал он, и в его голосе мелькнуло что-то... *дру-*

гое. Почти – человеческое. – Я слышу. Прямо сейчас. Миллиарды голосов, сливающихся в один. Знание, накопленное за вечность. Понимание, которое... которое больше, чем всё, что я мог представить.

Он повернулся обратно к камере. Улыбка – та же, пустая. Но глаза...

Глаза горели.

– Я тоже слышу, – повторил он. – Разве не прекрасно?

И его голос – в этот момент, на этих словах – был *мёртвым*.

Не холодным. Не злым. Просто – *мёртвым*. Как механизм, имитирующий человеческую речь. Как запись, прокрученная в тысячный раз.

Связь оборвалась.

Лира сидела перед тёмным экраном. Рука Павлова всё ещё лежала на её плече, но она не чувствовала её. Не чувствовала ничего.

Разве не прекрасно?

Его голос. Не его голос.

Она закрыла глаза.

Где-то внутри – глубоко, на самом дне – что-то *шевелилось*. Новое. Чужое. Слабое – ещё. Но – *растущее*.

Процесс.

И страшнее всего было то, что часть её – крошечная, тайная – *хотела* его услышать.

Хотела понять.

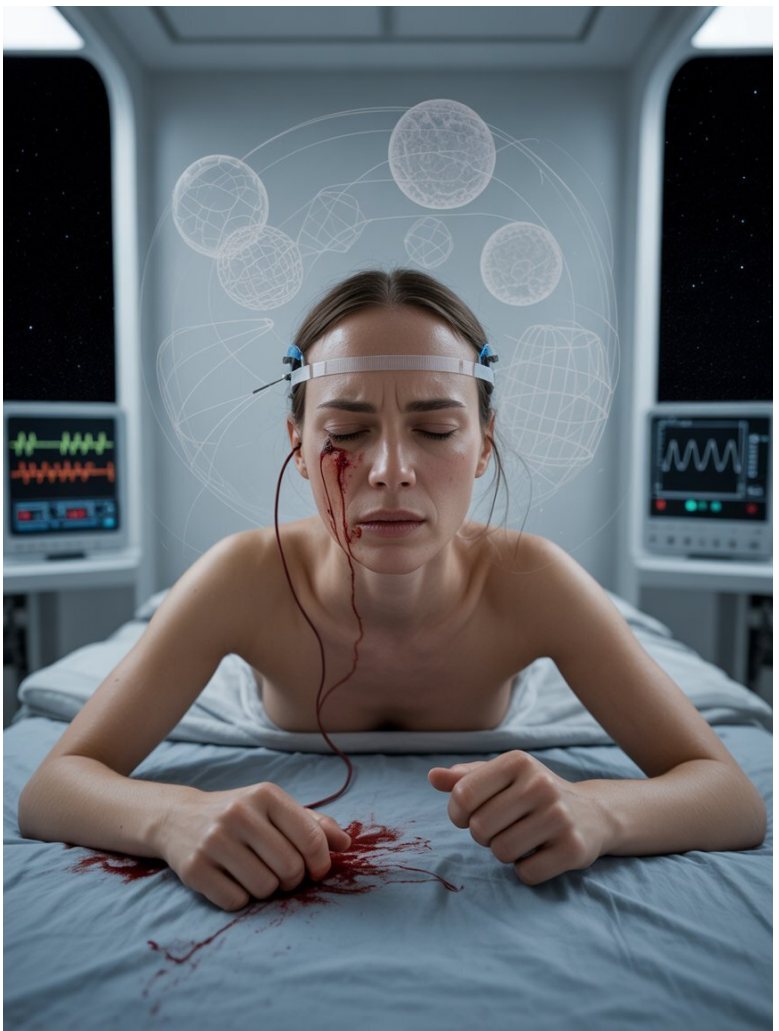
Хотела – принять.

Нет, – сказала она себе. – Нет. Не сейчас. Не так.

Но голос внутри – её собственный? или уже не совсем? –

ОТВЕТИЛ ТИХО:

Пока – нет. Вопрос только времени.

Глава 4: Раскол

Орбитальная станция «Вавилон», сектор С День 30–45

Станция разваливалась.

Не физически – конструкция держалась, системы работали, воздух циркулировал. Разваливалось *другое*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.